

УДК 81'373 : 81'246.2

МОДЕЛИ МЕНТАЛЬНОГО ЛЕКСИКОНА БИЛИНГВА**Э.В. Саркисова**

Тверской государственный университет, Тверь

Даётся анализ литературы по вопросу организации ментального лексикона билингва на уровне семантических и концептуальных репрезентаций, находящихся в отношениях либо интеграции, либо сегрегации.

Ключевые слова: *лексикон билингва, структура ментальных репрезентаций, лексический и концептуальный уровни репрезентаций, концептуальная эквивалентность.*

При исследовании ментального лексикона учёные ставят во главу угла вопрос: находится ли всё языковое знание билингва в двух отдельных языковых базах или оно интегрировано в единый ментальный лексикон? Для ответа на этот вопрос А. Павленко рассматривает лексикон билингва с точки зрения репрезентации концептов, полагая, что концептуальная система человека – неустойчивая, динамическая, модифицируемая в процессе взаимодействия человека с окружающей средой система. Автор проводит границу между формальной стороной языка (фонологический и морфосинтаксический аспекты) и содержанием (значения и/или концепты), признавая за последним ведущую роль в обработке и считывании информации на изучаемом языке, отмечая единый характер концептуальных баз различных языков. Однако А. Павленко указывает на перемещение фокуса внимания исследователей с проблемы взаимосвязи «форма-значение / концепт» на непосредственно структуру ментальных репрезентаций, которая может оказаться «единой» для двух языков; сложность заключается в определении степени «единства» репрезентаций: так, китайские слова *xin liang (bride)* и *hong se (red)* образуют более прочную связь, чем их английские эквиваленты, поскольку в Китае невесты носят красное, в то время как английские *jealousy* и *green (green with envy)* представляют собой более фиксированную связь, нежели в китайском [цит. раб., с. 128]. Считаю справедливым замечание А. Павленко о том, что подобные фиксированные выражения не всегда способны предоставить объективную картину того, что же такое языковая категория и по какому критерию её следует определять. Так, если первый пример отражает имплицитное знание (*implicit knowledge about the category*), вследствие чего концептуален по своей природе, то второй отсылает нас на метафорический уровень (*metaphoric extensions*): имеют место потеря прямого значения цвета (*green*) и приобретение переносного значения – теперь в центре внима-

ния оказывается семантическая составляющая слов. Единственное, что можно с уверенностью утверждать, это то, что репрезентации в определённой мере разделяемы ((partially) shared) носителями двух языков, но точно определить, в какой именно мере, – невозможно [6, с.128]. На основе этого наблюдения А. Павленко выделяет два этапа в изучении ментального лексикона билингвов: I – ограничивающийся распространёнными в психолингвистических исследованиях заданиями на внеконтекстную идентификацию или работу с прототипами (предоставление картинок испытуемым), что, по мнению автора, лишь приближённо отражает реальную жизнь ментального лексикона (это неудивительно, поскольку задания с ограничением времени реакции нацелены на изучение отношений между словесными формами); II – предполагающий использование кросс-культурных исследовательских процедур, выходящих за рамки чисто лингвистического подхода и включающих задания типа дефиниций, категоризации, классификации, предоставление лексических единиц в контексте с последующим пересказом прочитанного, т.е. имеет место изучение особенностей отображения слов моно- и билингвального лексикона в действительности.

А. Павленко проводит границу между традиционными психолингвистическими заданиями и перечисленными выше заданиями, ранее применяемыми лишь в социо- и прикладной лингвистике, в изучении ситуаций овладения первым языком; при этом отмечается преимущество последних в следующих отношениях [6, с.130–132]: 1) фокусирование внимания на контекстуальном использовании слов и связи слов с референтами в действительности; 2) способность выявлять межкультурные различия (так, англо-русским билингвам в рамках психолингвистического подхода не составляет труда найти эквиваленты единиц в РЯ для *glass (stakan)*, *cup (chashka)*). Для некоторых моделей ментального лексикона билингва, которые будут рассмотрены ниже, этого будет достаточно для установления семантической / концептуальной эквивалентности внутри названных пар. Задания же на дачу дефиниции обнаруживают, что эта эквивалентность ограничивается «прототипичными экземплярами»: чашки с ручками, стаканы – из стекла. При необходимости отнесения к категории двуязычные англичане помещают *paper / plastic containers* в категорию *cups*, в то время как русскоязычные – в категорию *glasses*, поскольку для отнесения к этой категории в русском первичен критерий не материала (*glassness*, что отражено внутренней формой слова в английском, *glass* – стекло), а формы.

Руководствуясь последним соображением, А. Павленко объясняет понятие эквивалентности, выделяя в нём следующие виды: *conceptual equivalence*, *partial (non)equivalence*, *conceptual non-equivalence* [цит. раб., с.132–142]. В случае концептуальной неэквивалентности языковая категория Я1 не имеет аналога в Я2 (так, американцы не знакомы с

fortochka, а русские с *rowhouses / rowhomes*). Языковые категории, область функционирования которых в Я1 частично совпадает с областью действия соответствующих категорий в Я2, описываются как частично эквивалентные; здесь А. Павленко разделяет две возможности: *Nesting: Type 1* и *Nesting: Type 2*. Первая предполагает полное или частичное помещение категории Я1 в более объёмную категорию Я2. Так, говоря о *ревности*, русскоязычные связывают её исключительно с романтическим аспектом, в то время как в английском языке используется слово *jealousy*, также применяемое для описания *зависти*. При изучении языка необходимо реконструировать наличные языковые категории, не модифицируя при этом границы категории в обоих языках, что не всегда удается сделать, в результате чего происходит сдвиг границ между категориями. *Type 2* описывает обратный процесс: включение двух или более категорий Я2 категорией Я1; типичным примером здесь выступают английское *blue*, тождественное *синему* и *голубому* в русском языке, английское *to know*, выражаемое во французском двумя разными глаголами *savoir* и *connaitre*. Итак, имеет место влияние доминирующего языка, хотя автор отмечает, что границы между значениями могут стираться при высоком уровне владения языком и при изучении его в естественных условиях. Неспособность интериоризировать различия между категориями двух языков, проявляемая в частичной реконструкции или слиянии категорий, может привести либо к интерферирующему воздействию доминантного языка, либо к «созданию» категорий, не существующих в контактирующих языках.

Учитывая всё сказанное выше, А. Павленко рассматривает различные модели лексикона билингва в главе «Current Models of the Bilingual Lexicon», выделяя в каждой сильные и слабые стороны, а также представляет собственную модель, вбирающую достоинства рассмотренных моделей и расширяющую их: The Revised Hierarchical Model (RHM) [5]; The Distributed Feature Model (DFM) [3]; The Shared Asymmetrical Model (SAM) [4]; The Modified Hierarchical Model [6]. Сходство и различия между названными моделями сведены мною в предлагаемую ниже таблицу, в которой модели представлены в порядке их появления. Модель, выдвинутая А. Павленко, отличается от остальных тремя положениями: 1) организацией концептуальной базы: включает случаи концептуальной частичной или полной неэквивалентности; 2) концептуальным переносом, предполагающим выделение двух уровней репрезентаций: семантического (ассоциации, синонимия, антонимия, устойчивые сочетания и т.д.) и концептуального. Для наглядности А. Павленко приводит следующий пример: *He bit himself in the language* (вместо *tongue*). Семантический перенос заключается в приписывании значения одного слова (язык как часть тела) другому (язык как средство коммуникации), что автор называет *mapping words to concepts*. Как функцио-

нирует концептуальный перенос иллюстрирует приведённый выше пример с *cups*; 3) концептуальной «перестройкой», сопровождающей процесс обучения ИЯ (*conceptual restructuring*).

Таблица

Модель, её: достоинства	Недостатки модели
The DFM (1992–1993) – инкорпорирует <i>кросслингвистические различия</i>	Опора только на признаковый подход, не учитывающий влияния контекста и прототипов; пересечение концептов определяется частотой слова и наличием когнатов; признает, что конкретные слова разделяют значения, поскольку переводятся быстрее, чем абстрактные
The RHM (1994) – доступ к концептуальной базе через лексическое посредничество между Я1 и Я2 (признание роли перевода; по мере повышения уровня владения языком связь между единицами Я2 и концептами приобретает более чёткие очертания)	Учитывает только случаи концептуальной <i>эквивалентности</i> --> <i>пренебрежение кросслингвистическим аспектом</i> (не рассматривает случаи частичной (не)эквивалентности, концептуальной неэквивалентности)
The SAM (2005) – учитывает <i>кросслингвистические различия</i>	Не даёт обоснования природы и структуры концептуальных репрезентаций
The MHM (2009) предполагает поступательное движение от лексических единиц к интериоризации концептов (RHM); учитывает <i>кросслингвистические различия</i> (RHM, SAM)	—

De Groot [3, с.389] выделяет два уровня репрезентаций в структуре памяти билингва: лексическую и концептуальную память. Слово *per se* представлено как узел на лексическом уровне, а его значение – на концептуальном. Концептуальные узлы есть ни что иное как совокупность элементов значений, каждый из которых активируется посредством связи с лексическим узлом; значение «распределяется» по ряду узлов. При переводе значения могут не совпадать или включать лишь часть элементов значений, что, по мнению автора, особенно типично для абстрактных слов; кроме того, конкретные слова составляют базу, с которой, как правило, начинается изучение ИЯ, поэтому они быстрее активируются. «Функциональная суть» конкретных слов детерминирует степень единства их значений в различных языковых сообществах: «Wherever we come across them, chairs are to sit on, and apples to eat». У

абстрактных же слов нет референта в реальном мире, в связи с чем они не могут гарантировать единства содержания репрезентаций в различных языках [цит. раб., с. 404], поэтому необходимостью становится обращение к словарю или дедукция (догадка о значении на основе контекста), что является «вызовом» для рассматриваемой признаковой модели (слова представлены вне контекста). Кроме того, конкретные слова обладают более высокой частотностью, в связи с чем быстрее узнаются (эффект частотности является определяющим для рассматриваемой модели при описании процесса узнавания лексических единиц). Однако, очевидно, что при рассмотрении слова в контексте эффект частотности модифицируется. Как и все модели лексикона билингва, the DFM стремится выяснить, находится ли всё языковое знание билингва в двух языковых базах или интегрировано в единый ментальный лексикон. Автор приходит к выводу, что истина находится посередине: мы не можем с уверенностью утверждать наличие либо интеграции, либо сегрегации языковых баз разных языков.

Этот же вопрос является центральным для Kroll & Stewart [5, с. 149–150]. Выдвинутая авторами модель the RHM признает право на существование двух систем памяти с замечанием, что они описывают «архитектуру» памяти билингва на двух иерархически соотносимых уровнях репрезентаций: «*Words in each of a bilingual's two languages are thought to be stored in separate lexical memory systems, whereas concepts are stored in an abstract memory system common to both languages*» [цит. раб., с.150]. В этом отношении (два уровня репрезентаций) рассматриваемая модель идентична the DFM. Согласно этой модели (см. рис. 1), и лексические, и концептуальные связи активны в памяти билингва, однако степень их активности варьируется в зависимости от достигнутого уровня беглости пользования Я2 и относительного доминирования Я1 над Я2. Как показано на рисунке, Я1 (количество узнаваемых лексических единиц РЯ) больше Я2, более сильные лексические связи прослеживаются в направлении Я2 → Я1, поскольку слова Я2 первоначально усваиваются через перевод [цит. раб., с.158]. Связи между лексической базой Я1 и концептуальной базой сильнее, чем для Я2. Слова Я2 связаны с концептуальной базой посредством лексических связей с Я1, особенно на начальном этапе изучения языка; по мере того как индивид лучше овладевает языком, устанавливаются прямые, непосредственные концептуальные связи. Рассматриваемая модель также признает реверсивность лексических и концептуальных связей. Минус модели состоит в том, что под неё невозможно «подогнать» случаи частичной концептуальной эквивалентности или полной неэквивалентности.

Небольшой экскурс в историю изучения ментального лексикона билингвов обнаруживает, что, по сути, данная модель является синтезом двух предложенных Potter, So, von Eckhardt, and Feldman (1984) мо-

делей межъязыковых связей: Word Association и Concept Mediation Models: в одном случае слова Я2 получают доступ к концептуальной базе только через слово Я1, а во втором – имеет место прямой доступ к концептуальной базе (см. рис. 2).

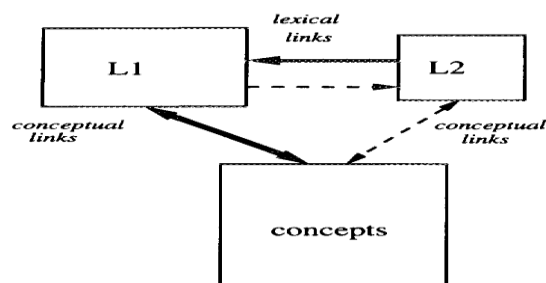

Рис. 1 [5, с. 158]

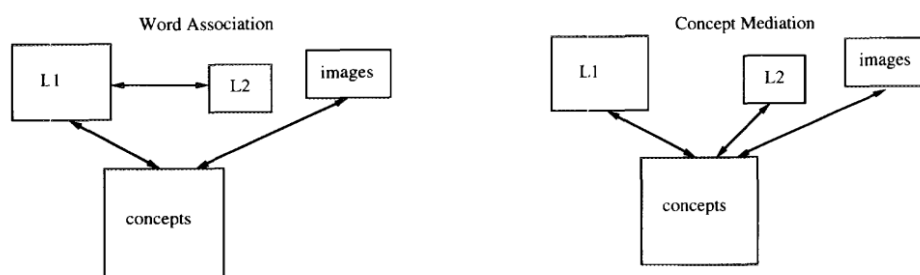

Рис. 2 [3, с. 150]

На эти же модели ссылается Dong [4], выдвигая свою модель the SAM (см. рис. 3) и выделяя в ней три типа концептуальных элементов: общие элементы, элементы Я1 и Я2. Под первыми автор понимает эквивалентные при переводе концептуальные компоненты двух языков, элементы Я1 и Я2 предполагают специфичные в языковом и культурном плане концептуальные компоненты. Поскольку сила общих элементов значительнее, их связь с Я1/Я2 весомее, чем связь между Я1/Я2 и собственными им элементами; при этом связь «Я1 – общие элементы» отчетливее, чем «Я2 – общие элементы». По мере овладения Я2 первоначальная связь «Я2 – элементы Я1» постепенно ослабевает, в то время как связь «Я2 – элементы Я2» начинает приобретать более чёткий характер. Когда отношение «Я2 – общие элементы» достигает достаточно высокого уровня, можно говорить об идеально сбалансированной памяти билингва. Итак, рассматриваемая модель подчёркивает динамический характер о лексикона билингва, варьируемый в зависимости от достигнутого уровня владения языком; происходит обусловленный

процессом обучения «сдвиг» (*developmental shift*) [2, с. 233]: по мере овладения языком одни связи ослабевают, другие – усиливаются. Изучение языка включает процессы, которые, с одной стороны, ведут к концептуальной конвергенции между Я1 и Я2, с другой стороны, поддерживают концептуальные различия. На начальных стадиях изучения языка значения Я1 массово переходят к языковым формам Я2, кроме того, на этом этапе прослеживается тенденция к игнорированию специфических элементов Я2; для более продвинутой стадии изучения языка верно обратное. Рассматриваемая как двусторонний процесс конвергенция представляется как разрушение различий в различных областях языковых систем, которые имеют некое сходство. Согласно рассматриваемой модели, идеально сбалансированный билингвальный лексикон отличается способностью находить, поддерживать и сохранять порой едва уловимые различия между похожими элементами различных языков, в чём и заключается межъязыковой характер этой способности. Итак, представленная модель отражает динамический взгляд на структуру языковой памяти билингва.

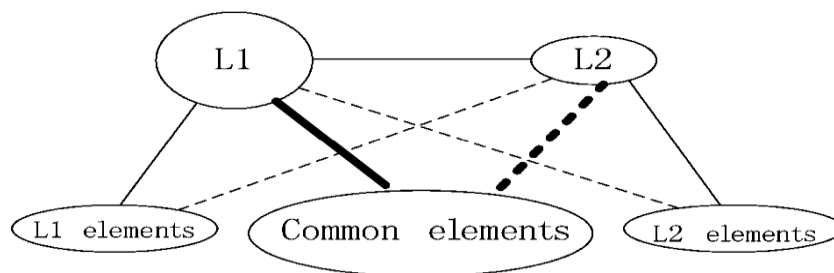

Рис. 3 [2, с.233]

Общие элементы признаются ключевыми концептами, поэтому связь между ними и Я1/Я2 сильнее, чем связь между Я1/Я2 и элементами, определяемыми спецификой языка. Недостаток рассматриваемой модели А. Павленко видит в отсутствии обоснования природы и структуры концептуальных репрезентаций, что отражено в выдвинутой ею модели the МНМ, подробно описывающей структурную составляющую концептуальных репрезентаций; модель «переняла» динамический характер, что позволяет объяснить установление новых связей и отношений в ментальном лексиконе, его реорганизацию по мере изучения ИЯ, варьирование в речи изучающих ИЯ, процессы, характерные для восприятия и продуцирования речи. Необходимо, однако, указать, что названные выше авторы фактически в новых терминах повторяют выводы, ранее сделанные другими, в том числе российскими, исследователями (см. обзор моделей структуры языкового знака и графическое представ-

ление своей динамической модели по результатам экспериментов в работах [1; 2]).

Список литературы

1. Залевская А.А. Об экспериментальном исследовании структуры языкового знака в условиях учебного билингвизма [Текст] / А.А. Залевская // Психологические и лингвистические аспекты проблемы языковых контактов. – Калинин : Калинин. гос. ун-т, 1978. – С. 54–76.
2. Залевская А.А. Вопросы теории овладения вторым языком в психолингвистическом аспекте : монография [Текст] / А.А. Залевская. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 1996. – 196 с.
3. De Groot, A.M.B. Bilingual lexical representation: A closer look at conceptual representations / A.M.B. De Groot // Frost, R. & Katz, L. (Eds.). *Advances in Psychology. Orthography, Phonology, Morphology, and Meaning*. – 2006. – Pp. 389–412.
4. Dong, Y., Gui, S. & Macwhinney B. Shared and separate meanings in the bilingual mental lexicon / Y. Dong, S. Gui, B. Macwhinney // *Bilingualism: Language and Cognition*. – 2005. – Vol. 8 (3). – Pp. 221–238.
5. Kroll, J. & Stewart, E. Category Interference in translation and picture naming: Evidence for asymmetric connections between bilingual memory representations / J. Kroll, E. Stewart // *Journal of Memory and Language*. – 1994. – Vol. 33. – Pp. 149–174.
6. Pavlenko A. *The Bilingual Mental Lexicon. Interdisciplinary Approaches* / A. Pavlenko. – Multilingual Matters, 2009. – 250 p.

BILINGUAL MENTAL LEXICON MODELS

E.V. Sarkisova

Tver State University, Tver

Current papers addressing the bilingual mental lexicon at the level of semantic/conceptual representations are reviewed to define whether two languages are stored in memory and accessed together or separately.

Keywords: *Bilingual mental lexicon, hierarchical structure of mental representations, levels of representations, conceptual equivalence.*

Об авторе:

САРКИСОВА Элина Владиславовна – аспирант кафедры английского языка Тверского государственного университета,
e-mail: 315453@gmail.com